

недовольных мессенян и готовых к восстанию спартанцев, было довольно рискованным мероприятием, тем более, если учесть слабые полководческие способности стратега ахеян. Зная о приближении Филиппа, Арат предпочел дожидаться его прибытия и совместно урегулировать отношения с союзниками.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что обе стороны накануне войны добились поставленных целей. Понимая близость военных действий, этолийцы в ходе двух рейдов в Пелопоннес серьезно ослабили противника, что, в конечном счете, сказалось и на ходе войны. С другой стороны, на заседании синедров в Коринфе было принято ожидаемое Аратом решение об объявлении войны Этолийскому союзу (Polyb. IV. 25. 1–5), в которую, согласно его замыслам, вступал не один Ахейский союз, а вся Эллинская лига.

TWO AETOLIAN RAIDS TO THE PELOPONNESE ON THE EVE OF THE SOCIAL WAR OF 220–217 BC

N.Yu. Sivkina

The paper describes political events on the Peloponnese on the eve of the war between Achaean and Aetolian Leagues which took place in 220–217 BC and, in particular, two raids to the Peloponnese undertaken by the Aetolians in 220 BC. One of them ended with the battle of Caphiae where the Achaeans were defeated, and the other lead to the destruction of Cinaetha. The author considers that in the course of these two raids military power of the Achaeans was seriously undermined by the Aetolians and that this fact eventually counted very much in the course of the Social War. On the other hand, the meeting of synedroi in Corinthus took a decision to declare war on the Aetolian League, and this war was waged not only by the Achaean League, but by the whole of the Hellenic League.

© 2003 г.

А. П. Беликов

ПОЛИБИЙ МЕЖДУ ГРЕКАМИ И РИМЛЯНАМИ: ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИКА*

Полибий, по устоявшемуся в мировой науке абсолютно справедливому мнению, является одним из величайших историков древности. Пожалуй, лишь Фукидида и Тацита можно поставить вровень с ним по широте замысла, глубине освещения, объективности и подлинной научности исследования. Поэтому не случаен тот интерес, который вызывает у ученых личность и творчество ахейского историка. За несколько веков сложилась огромная исследовательская литература, настоящая «полибиана», насчитывающая сотни томов¹. Казалось бы, все или практически все уже изуче-

* Автор выражает сердечную благодарность Г.С. Самохиной за помощь при работе над статьей.

¹ Перечислим лишь наиболее важные и значимые работы: *Werner H.M.* De Polybii vita et itineribus questiones chronologicae. L., 1877; *Мищенко Ф.Г.* Федеративная Эллада и Полибий // *Полибий*. Всеобщая история. Т. 1. М., 1890; *Scala R. von.* Die Studien des Polybios. Stuttgart, 1890; *Cunz O.* Polybios und sein Werk. Lpz, 1902; *Buttner-Wobst Th.* De vita Polybii // *Polybii Historiae*. Lipsiae, 1905; *Laquer R.* Polybios. Lpz – B., 1913; *Sihler E.G.* Polybius of Megalopolis // *AJPh*. 1927. VIII. № 189; *Glober T.R.* Polybius // *САН*. V. VIII. 1930; *Fritz K. von.* The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity. A Critical Analysis of Polybius's Political Ideas. N.Y., 1954; *Pedech P.* La methode historique de Polybe. P., 1964; *Walbank F.W.* Polybius. Berkeley, 1972; *idem.* A Historical Commentary on Polybius. V. I–III. Oxf., 1957–1979; *Мирзоев С.Б.* Полибий. М., 1986; *Тыжов А.Я.* Полибий и его «Всеобщая история» // *Полибий*. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994; *Ekstein A.M.* Moral Vision in the Histories of Polybius. Berkeley – Los Angeles, 1995; *Самохина Г.С.* Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб., 1995; *она же.* Полибий: судьба греческого политика и историка в условиях рим-

но, однако это не совсем так: даже даты рождения и смерти Полибия остаются дискуссионными².

Нельзя считать, что не осталось незатронутых тем и что нечего добавить к накопленному материалу и полученным обобщениям. Один из аспектов, не получивших почти никакого освещения, – проблема политической и даже морально-этической оценки взаимоотношений Полибия с римлянами во время покорения ими Греции. В 167 г. до н.э. наш автор вместе с тысячей предводителей Ахейского союза был интернирован в Рим. Формально – лидеры союза должны были пройти через римский суд, чтобы доказать свою лояльность Риму и непричастность к контактам с царем Македонии Персеем во время III Македонской войны. Фактически – римский сенат воспользовался победой над Персеем для «чистки» Греции от всех «подозрительных» элементов, опасных римскому владычеству на Балканах. А заодно и обезглавить строптивый Ахейский союз, вывезя в Италию все его руководство. Поэтому ахейцы оказались на положении заложников, размещенных в маленьких италийских городках. Участь ссыльных была печальной – за попытки бегства их приговаривали к смертной казни. Неоднократные посольства из Ахайи с просьбой возвратить их на родину оказались безрезультатными. Через семнадцать лет лишь 300 уцелевших изгнанников сумели вернуться домой по разрешению сената. Все остальные умерли на чужбине от болезней и тоски по близким, либо заплатились жизнью за неудачные попытки бежать из Италии (Paus. VII. 10. 12).

Совсем иначе сложилась судьба Полибия, который являлся гиппархом – вторым по значимости должностным лицом в структуре управления Ахейского союза. Благодаря образованности, военному опыту и своим личным качествам он сумел стать наставником и другом Сципиона Младшего. Очевидно, для молодого римского нобиля умный грек стал просто жизненно необходим. Такой вывод следует из слов Павсания о том, что когда Эмилиан слушал советы Полибия, то дела у него шли удачно, если же не внимал им, то совершал ошибки (VIII. 30. 4). Благодаря Сципиону Полибий сблизился со многими представителями римской знати. Он входил в так называемый «кружок Сципиона» (Сic. De rep. I. 15, 34) – объединение римских аристократов, размышляющих о необходимости перемен в римском обществе. Анализ сведений о пребывании Полибия в Риме свидетельствует, что он пользовался в кружке Сципиона авторитетом в основном как специалист по военным проблемам³. Справедливости ради заметим, что Полибий был компетентен также в политических и научных вопросах. Скорее, он действительно был «военным и политическим экспертом при кружке Сципиона»⁴.

Вероятно, тогда же у него зародился замысел написания всеобщей истории, главной целью которой было показать, почему и как столь значительная часть ойкумены оказалась под властью Рима. Используя свои связи в среде римской верхушки, Полибий получил возможность работать в римских архивах и знакомиться с постановлениями сената. С помощью Сципиона он даже совершил морское путешествие вдоль северо-западного побережья Африки (Polyb. XXXIV. 15. 7). Притом эта экспедиция была предпринята исключительно с научными целями⁵ – для удовлетворения научного любопытства Полибия, а не для военной разведки, как можно было бы

ской экспансии (электронный вариант этой работы см. на сайте: <http://petsu.karelia.ru/psu-Chairs/GenHist/polybius4.html>); Williams M.F. Polybius on Weals, Bribery, and the Downfall of Constitutions // АНВ. 2001. 14.

² См. Тыжов А.Я. Полибий в Риме // Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии. Л., 1986. С. 95. Прим. 8.

³ Самохина Г.С. К вопросу о ранних произведениях Полибия // Античность, средние века и новое время. Социально-политические и этнокультурные процессы. Нижний Новгород, 1997. С. 47.

⁴ Она же. Полибий: эпоха, судьба... С. 42.

⁵ См. Томпсон Дж. История древней географии. М., 1953. С. 267; Циркин Ю.Б. Путешествие Полибия вдоль атлантических берегов Африки // ВДИ. 1975. № 4. С. 111; Eichell M.N. A Note on Polybius Voyage to Africa in 146 B.C. // CPh. 1976. LXXI. № 3. P. 237.

ожидать. В 151 г. до н.э., сопровождая Сципиона Эмилиана, служившего легатом под командованием Лукулла, он побывал в Испании, а на обратном пути посетил Южную Галлию и пересек Альпы. Более того, Полибий сопровождал Сципиона во время военных действий в Испании, присутствовал в римском лагере при осаде Карфагена и даже давал своему младшему другу советы при штурме города. Наконец, он участвовал в работе миссии десяти сенаторов, отправленных в Грецию для обустройства дел после завершения Ахейской войны.

Получается, что будущий историк не только дружил, но и активно сотрудничал с римлянами, завоевавшими как Ахайю, так и всю остальную Грецию. Считали ли сами греки его предателем? Пользу или вред Элладе принесло его сотрудничество с Римом? Оценка историка как политика далеко не всегда уместна, поэтому преимущественно мы будем говорить не о творчестве, а о *деятельности* Полибия.

В доступной нам литературе мы встретили несколько достаточно жестких обвинений в его адрес. Как полагал Т. Моммзен, греки чувствовали, что Полибий «не был им лоялен»⁶. А. Момильяно пошел еще дальше, считая его «блестящим секретным агентом» Рима⁷. А.Г. Бокщанин писал о том, что дружба историка с домом Эмилия Павла, возникшая на базе «общих классовых интересов», постепенно превратила Полибия «в убежденного сторонника проримской ориентации греческой политики»⁸. «По существу Полибий, – развивал свою мысль А.Г. Бокщанин, – выступал как ставленник и агент римских завоевателей Греции, и можно сильно сомневаться в искренности греческого населения, воздвигшего в его честь статуи в ряде городов Пелопоннеса»⁹. Полибий идейно обосновывал необходимость подчинения власти Рима¹⁰. В работе Т.В. Блаватской содержится фраза о ложном положении греческого историка, «перешедшего на сторону завоевателей его родины»¹¹. Наконец, приведем еще одно негативное высказывание в адрес Полибия, который пытался «приспособить свои философские теории к потребностям римского нобилитета»¹². Как отмечал А.Я. Тыжов, сторонникам Диея и Критолая было выгодно выставлять Полибия как предателя национальных интересов ради дружбы с римлянами, и, возможно, эти обвинения, хотя бы отчасти, достигали своей цели и вселяли в сердца части ахейцев недоверие к сыну Ликорта¹³. Однако даже самые недоверчивые сограждане впоследствии изменили свое отношение к мегалопольцу. Для отечественных исследователей такое восприятие Полибия объясняется доведенным до абсурда «классовым подходом» – аристократ должен был на почве «классовой близости» стать сторонником римлян, «подавляющих революционные движения в Греции». Сложнее объяснить позицию Т. Моммзена и А. Момильяно. Возможно, здесь сказались искушенность обоих выдающихся историков в политической жизни современной им эпохи. В любом случае такое восприятие Полибия представляется нам совершенно неоправданным. С формальной точки зрения, казалось бы, мы действительно можем обвинить Полибия в «сотрудничестве» с римскими оккупантами Греции. Однако слишком многие факты и аргументы не позволяют прийти к такому выводу.

Полибий, вне всякого сомнения, был патриотом Эллады. Однако как один из лидеров Ахейского союза, как действующий и опытный политик он хорошо знал реалии своего времени и должен был понимать, что Греция оказалась в политическом тупике. Федеративное движение в Греции существовало, некоторые исследователи даже

⁶ Mommsen Th. Römische Geschichte. Bd II. В., 1903. S. 451.

⁷ Momigliano A. The Historian's Skin // Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxf., 1977. P. 68.

⁸ Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Т. 1. М., 1960. С. 35.

⁹ Там же.

¹⁰ Чистякова Н.А., Вулих Н.В. История античной литературы. М., 1972. С. 234.

¹¹ Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. С. 46.

¹² Чистякова, Вулих. Ук. соч. С. 303.

¹³ Тыжов А.Я. Политическая миссия Полибия в Элладе // Город и государство в древних обществах. Л., 1989. С. 113.

полагают, что оно могло привести к объединению греков. Тем не менее, очень многие историки категорически возражают против такого утверждения¹⁴, и, очевидно, они правы. Для Греции время полисов «окончательно миновало»¹⁵. По мнению Аристотеля, эллинизм могло бы править миром, если бы добилось единого государственного устройства. Но беда заключается в том, что греческий федерализм имел исключительно узкорегиональный характер: существовали Этолийский, Ахейский, Беотийский и другие союзы, но ни один из них не стремился объединить всю Грецию и даже не ставил перед собой такой цели. Для столь далеко идущих планов мелкие федерации просто не располагали необходимыми силами. Более того, своими непрерывными раздорами они лишь разоряли Грецию и ослабляли ее еще больше. Этолийцы после одного похода в Лаконику угнали в рабство 50000 человек (Plut. Cleom. 18. 7).

Греция находилась в глубоком упадке – политическом, экономическом, даже демографическом (Polyb. XXXVII. 9). Македония претендовала на господство над Элладой, хотя и не очень успешно. Но в любом случае это было бы не объединение, а подчинение. Подавляющее большинство греческих полисов отвергало такой путь консолидации. К концу III в. до н.э. Ахейский союз оказался в зависимости от Македонии, и лидеры союза воспринимали это довольно болезненно.

Можно согласиться с мнением Т.В. Блаватской: катастрофическое положение федеративной Греции, которую опустошали армии различных неприятелей, со всей остротой поставило вопрос о самом существовании эллинского народа¹⁶. Наиболее губительным было физическое уничтожение населения страны на протяжении почти двух веков, т.е. времени жизни шести – семи поколений¹⁷. Очевидно, что сама Греция собственными силами не смогла бы добиться объединения и политической стабильности.

Воочию убедившись в военной силе Рима, Полибий отмечал и другое: по его мнению, стандарты личной честности намного выше у римлян, чем у его греческих современников (XVIII. 34–35). Безусловно, он уважал римлян, отмечая, что «для них нет ничего постыднее, как поддаться подкупу или обогащаться непристойными средствами» (VI. 56. 2). Богобоязненность у римлян составляет основу государства (VI. 56. 7). «Если у других народов редки честные люди, для которых общественное достоинство неприкосновенно, то у римлян, наоборот, редки случаи изобличения в хищении» (VI. 56. 15). Он отмечает мудрость, справедливость и скромность римлян (VI. 14. 7–9; IX. 10. 1), их неподкупность и верность долгу (XVIII. 35. 1–2). Мы бы не стали говорить о «восторженном отношении самого Полибия к Риму»¹⁸, хотя его восхищение римским порядком, дисциплиной, разумным государственным устройством Республики совершенно искренне. И это не удивительно – по сравнению с тем хаосом и анархией, которые царили в Греции, действительно «Рим предстает в описании Полибия государством с идеальной формой правления»¹⁹. В римском характере проявляются громадная целеустремленность, дисциплинированность, организационные способности; римскому государству и обществу присущи четкая организация и иерархия, которых не было у греков²⁰. Полибий должен был это заметить и оценить. Естественно, такие качества могли его только восхищать. Конечно, надо учитывать, что Полибий писал и для римлян тоже, да и положение его было достаточно двусмысленным. Какая-то доля пристрастности, безусловно, здесь присутствует. Критическое отношение к словам самого автора необходимо, но ведь он отмечал и то, что ему в квиритах

¹⁴ См. *Larsen J.A.O. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxf., 1968; Сизов С.Е. Федеративное государство Греции: Этолийский союз. Нижний Новгород, 1990; он же. Ахейский союз. М., 1990* (см. также рецензию Г.С. Самохиной на эту книгу: ВДИ. 1992. № 4. С. 167–171); *Buck R.I. The Hellenistic Boiotian League // АНВ. 1993. 7. Р. 100–106.*

¹⁵ *Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1960. S. 442.*

¹⁶ *Блаватская. Ук. соч. С. 28.*

¹⁷ Там же. С. 31.

¹⁸ Ср. *Куманецкий К. История культуры древней Греции и Рима. М., 1990. С. 213.*

¹⁹ *Тыжов А.Я. Черты политической теории Полибия // Античное общество. Проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 82.*

²⁰ Ср. *Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. С. 270 сл.*

не нравилось (см. ниже), и у нас нет оснований сомневаться в уважении автора к римлянам или упрекать его в неискренности. Кто был «морально чище» – греки или римляне – это отдельная проблема, и мы ее здесь касаться не будем, отметим лишь, что, по мнению Полибия, это были римляне. Они были достойны владычества над Грецией. Если уж быть зависимыми, то лучше подчиняться сильному, который прекратит непрерывные смуты и усобицы на Балканах. Полибий пишет не столько для римлян, сколько для греков²¹, он «стремится доказать греческому читателю, что Рим – наилучшее из государств и что поэтому римское завоевание – благо»²².

Отсюда – чисто научный интерес Полибия к римлянам: почему именно они смогли покорить так много народов? Цель его труда – показать, как мир попал в руки римлян. Чтобы ответить на этот вопрос, требовалось личное общение с самими римлянами. Кроме того, такое общение было нужно Полибию не только «в научных целях». Образованный грек лишился привычного круга общения, и его влекло к мыслящим представителям нобилитета – необходимо было заполнить духовный вакуум, и не вина ахейца, что другого общения, кроме как с римлянами, он получить не мог. Зато в Риме ему было с кем поговорить, и дело он себе придумал – писать историю, чем и заслужил уважение образованных римлян и снял с себя возможные подозрения в нелояльности.

Общаясь Полибий, очевидно, со многими, но дружил с лучшими представителями римской аристократии. Они сумели разглядеть в изгнаннике личность, оценили образованность и незаурядные личные качества Полибия. Сам историк сообщает, что его знакомство со Сципионом Младшим началось с передачи ему нескольких книг и беседы о них (XXXII. 9.4). Так впервые встретились два умных человека, и на почве взаимного уважения зародилась их долгая дружба. Это типичный пример тесных отношений между «интеллектуалом» и римлянином, готовым у него учиться²³. Их дружба была крепкой (XXV. 9. 3–4), и Полибий явно гордился ею. По его словам, дружба с ним «была Сципиону дороже всего» (XXXII. 10. 12), историк сравнивает ее с дружбой между отцом и сыном (XXXII. 11. 1). Она продолжалась до самой смерти Полибия. Здесь не было расчета, чувствуется, что ахеец глубоко уважал и ценил своего молодого друга, несколько страниц его труда – настоящий панегирик Сципиону (XXXII. 8–16; XXXVI. 8. 1–5).

К началу III Македонской войны Ахейский союз официально находился в дружеских отношениях с Римом. До своей ссылки Полибий действовал как союзник римлян и уж никак не может считаться римским приспешником. Более того, он сделал все возможное, чтобы ахейцы не участвовали в этой войне ни на чьей стороне. От имени и по поручению союза он предложил военную помощь римлянам, когда война уже была ими выиграна.

Учитывая партикуляризм сознания древних греков, Полибий был прежде всего ахейским патриотом, а потом уже эллинским. Поэтому для него, одного из руководителей союза, важно было обезопасить прежде всего Ахайю. Военные меры римлян против Этолийского союза, злейшего врага ахейцев, он должен был воспринимать только положительно. То, что римляне сломили военную мощь Македонии, открывало, казалось бы, перспективы усиления влияния Ахейского союза, а это вполне устраивало Полибия. С другой стороны, невозможно упрекнуть ахейца в том, что он помогал Сципиону советами при осаде Карфагена. Во-первых, пунийцы были такими же врагами греков, как и римлян. Помогая покорить Карфаген, наш автор помнил о многовековой вражде эллинов и пунийцев. Во-вторых, он оказался в лагере Сципиона в качестве его личного друга, а принцип морального долга по отношению к ведущему войну другу требовал оказания ему поддержки. Здесь римское

²¹ Walbank. Polybius. P. 3, 6.

²² Тъжов. Полибий и его «Всеобщая история». С. 31; он же. Черты политической теории Полибия. С. 83.

²³ Macmullen R. Hellenizing the Romans (2nd Century B.C.) // Historia. 1991. XL. 4. P. 423.

и греческое понятия морального долга были абсолютно адекватны, и было бы крайне нелепо из-за этого считать Полибия «приспешником римлян».

Следует учитывать прагматизм Полибия. Вероятно, он прекрасно понимал, что сохранить независимость Эллады не удастся, и поэтому считал, что лучше избежать ненужных и излишних жертв. Подобно большинству своих просвещенных современников, он «поддавался обаянию силы и склонен был признавать не только неизбежность, но и справедливость совершившегося факта»²⁴. Надо было вживаться в новые условия, которые уже не зависели от воли одного человека, и надо было думать о будущем. Полибий – один из тех, кто подготавливал будущее мирное сожительство греков и римлян. В таком случае любого грека, который пытался примирить римлян с эллинами, можно отнести к предателям. В том числе Плутарха, во времена Антонинов учившего своих соплеменников вести себя осторожно и не раздражать римлян. Однако никто не сомневается в «беотийском» патриотизме херонейца Плутарха. Итак, Полибий, будучи широко мыслящим политиком, не замкнулся в ненависти к завоевателям Греции.

Считал ли Полибий римлян варварами? Вне всяких сомнений – да. Здесь мы не согласны с Ф. Уолбэнком, полагавшим, что мегалополец в своем труде фиксировал восприятие римлян греками, но сам его не разделял²⁵. Спорно мнение и о том, что Полибий занимал в этом вопросе компромиссную позицию, не относя римлян, строго говоря, ни к эллинам, ни к варварам²⁶. Такое едва ли возможно, поскольку для любого эллина мир делился на две части: «мы» и «они», и каждый, кто не являлся эллином, мог быть только варваром. Римляне об этом знали (Plaut. Miles glor. 211–214). Катон констатирует, что греки считают римлян «варварами» и даже не видят особой разницы между римлянами и осками (ср. Plin. NH. XXIX. 7. 14). Греки считали римлян варварами и относились к ним соответственно²⁷ – у нас нет ни малейших оснований пересматривать этот постулат.

Даже выдающемуся человеку трудно подняться над современными ему стереотипами этнического восприятия. Этнический феномен вообще характеризуется двумя основными чертами – «универсальностью и устойчивостью»²⁸. Центральное место среди этно-социальных представлений занимают образы собственной и других этнических групп. Именно они составляют главное содержание этнической идентичности как когнитивно-мотивационного ядра этнического самосознания²⁹. Этнические стереотипы имеют эмоционально-оценочный характер³⁰, кроются в подсознании и не всегда поддаются логическому объяснению. Хорошо зная недостатки своих соплеменников, Полибий в то же время был убежден, что эллины «превосходят все прочие народы» (V. 90. 8). Как и любому порядочному человеку, ему было присуще чувство долга, притом – с некоторым «этническим оттенком». Не случайно он пишет: «Долг эллина – оказывать в трудных обстоятельствах всяческое содействие эллинам, то защищая их или прикрывая их слабости, то смиряя гнев властителей; все это мы исполняли добросовестно на деле, когда требовалось» (XXXVIII. 6. 7). И это не просто красивые слова, а жизненное кредо Полибия.

Рассказывая о лакедемоняне Ксантиппе, во время 1 Пунической войны наголову разбившем в Африке армию консула Регула, Полибий «где-то в глубине души гордился победой эллинского ума»³¹. Полагаю, здесь у него помимо его желания про-

²⁴ Мищенко. Ук. соч. С. ССIII.

²⁵ Walbank F.W. Polybius and Rome's Eastern Policy // JRS. 1963. LIII. P. 8–11.

²⁶ См. Никишин В.О. Чужеземцы в произведениях Цицерона, Цезаря и Саллюстия (К вопросу о сущности римского «шовинизма» в I в. до н.э.). Дис ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 79; он же. Эллыны, римляне и варвары: эволюция понятий в эпоху римского владычества // Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории. Вып. 2. Ставрополь, 2002. С. 150.

²⁷ Ешевский С.В. Центр римского мира и его провинции // Сочинения С.В. Ешевского. Ч. 1. М., 1870. С. 207.

²⁸ Milanaccio A. Etnocentrismo: una lettura evolucionistica. Torino, 1999. P. 5.

²⁹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 50.

³⁰ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 242.

³¹ Блаватская. Ук. соч. С. 46.

явились эллинский патриотизм и чувство гордости своим этносом. К тому же, между греками и римлянами всегда существовали очень непростые отношения, отмеченные взаимной неприязнностью и в последующие эпохи³². Как отмечает А. Тойнби, эллины рано узнали «темные стороны римского национального характера», которые не могли им понравиться, в том числе – жестокость к врагам³³.

Признав римское господство, греки, тем не менее, продолжали считать римлян варварами³⁴. Страбон, выражая взгляд образованного грека, терпит римскую власть, но не может согласиться с тем, что «римляне превосходят эллинов в государственной мудрости»³⁵. К владычеству римлян он относится лояльно, но достаточно сдержанно³⁶. Авл Геллий повествует об одном знаменательном случае: на пирушке греки стали издеваться над присутствующим римлянином и римской культурой, на что квирит ответил, что греки могут считаться корифеями в легкомыслии и коррупции, но недопустимо, чтобы они порочили Лаций (I. 4; XIX. 9). В свою очередь в Риме несомненно существовало сильное антигреческое преубеждение³⁷.

Очевидно, что в глубине души Полибий считал римлян варварами, хотя, разумеется, и не афишировал свое восприятие. Однако, когда он с горечью и болью пишет о легионерах, в разграбленном Коринфе играющих в кости на брошенных в грязь бесценных картинах греческих мастеров (XXXIX. 13. 2), в этом сквозит не только осуждение грубости и неотесанности воинов. Явным подтекстом звучит (позволим себе передать ощущение ахейского патриота и культурного человека): на такое способны лишь варвары. Достаточно долго находясь в Риме, Полибий, конечно же, встречал там не только культурных и приятных в общении людей. Вспомним грубого Муммия, разрушителя Коринфа, чье имя стало синонимом невежества. Отправляя в Рим трофейные статуи и картины, созданные величайшими мастерами прошлого, консул заявил сопровождающим, что если они не доvezут трофеи в целостности и сохранности, то он заставит их самих изготовить точно такие же (Vell. I. 13. 4). Все эти годы Полибий «старался понять римлян, прощая им их грубость, которую он объяснял необразованностью»³⁸.

Римляне на своих соседей производили впечатление народа простоватого. В середине II в. до н.э. римское общество во многом еще оставалось чисто крестьянской общиной со всеми присущими ей недостатками и достоинствами³⁹. Правда, крестьян-

³² Этой теме посвящена обширная литература; см., например: *Westermann W. The Story of the Ancient Nations. N.Y., 1912; Kroll W. Römer und Griechen // Kroll W. Studien zum Verstandnis der Römischen Literatur. Stuttgart, 1924; Fuchs H. Der geistige Widerstand gegen Rom. B., 1938; Cary M., Haerhoff T.J. Life and Thought in the Greek and Roman World. L., 1959; Нахов И.М. Цицерон и греческая культура // Цицерон. 2000 лет со дня смерти. М., 1959; Burn A.R., Edwards J.M.B. Greece and Rome 750 B.C. – 565 A.D. Glenview, 1970; Forte B. Rome and the Romans as the Greeks Saw Them. Rome, 1972; Walbank F.W. Nationality as a Factor in Roman History // Harvard Studies in Classical Philology. 1972. 76; Bengtson H. Das Imperium Romanum in griechischer Sicht // Bengtson H. Kleine Schriften zur alten Geschichte. München, 1974; Petrohilos N.K. Roman Attitudes to the Greeks. Athenes, 1974; Momigliano A. Alien Wisdom. The Limits of Hellenization. Cambr., 1975; Crawford M.H. Greek Intellectuals and the Roman Aristocracy in the First Century B.C. // Imperialism in the Ancient World. Cambr., 1978; Balsdon J.P.V.D. Romans and Aliens. L., 1979; Errington R.M. Rome and Greece to 205 B.C. // САН. 2nd ed. 1989. V. VIII; Rawson E. Roman Tradition and the Greek World // Ibid.; Bowersock G.W. Hellenism in Late Antiquity. Cambr., 1990; Штаерман Е.М. Проблема римской цивилизации // Цивилизации. Вып. 1. М., 1992; Gruen E.S. Culture and National Identity in Republican Rome. Ithaca – New York, 1992; idem. Studies in Greek Culture and Roman Policy. Berkeley – Los Angeles – London, 1996; Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории и культуры Средиземноморья. М., 1999 и др.*

³³ *Toynbee A.J. Hannibal's Legacy. The Hannibalic War's Effects on Roman Life. V. 2. L., 1965. P. 435.*

³⁴ Ср. *Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // ВДИ. 1994. № 3. С. 12.*

³⁵ *Лапина Т.А. «География» Страбона и Плиния (некоторые аспекты сравнительной характеристики) // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1983. С. 44.*

³⁶ Там же. С. 47.

³⁷ *Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. V. 1. Berkeley – Los Angeles, 1984. P. 261.*

³⁸ *Немировский А.И. Древний мир: культура и власть. М., 1999. С. 133.*

³⁹ Характерные признаки крестьянской цивилизации: аграрная экономика, ручной труд, минимальное потребление и простой быт; см. *Шкуратов. Ук. соч. С. 200.*

ский уклад жизни делал их не только «проще» греков, но и неискушеннее. И Полибий явно это чувствовал. Ведь в его время, как справедливо отмечал еще Г. Финлей, в Греции «честность и добродетель считались второстепенными качествами»⁴⁰. Тонкий и глубокий исследователь античности Ю.В. Андреев, будучи убежденным грекофилом⁴¹, при этом объективно отмечал плутовскую хитрость греков. «Греки всегда ценили в людях такие качества, как хитроумие, ловкость, умение одурачить другого. Во всем этом они видели проявление особой одаренности или даже своего рода артистизма человеческой натуры»⁴². Не случайно, соседи отзывались о них как о «достойной всяческого презрения породе профессиональных торгашей и мошенников»⁴³. Конечно, это всего лишь оценки историков, но негативное восприятие эллинов хорошо заметно и в современной литературе по римской историографии.

Полибий прекрасно понимал, что у самих римлян есть чему поучиться и что среди них встречаются по настоящему культурные люди, близкие по духу эллинам и достойные дружбы и уважения. Но ведь и Тацит, восхищаясь нравами германцев, тем не менее не переставал считать их варварами. Общение и дружба Полибия с римлянами – осознанный и объективный выбор, но отнюдь не желание выжить во вражеской среде ценой предательства или низкопоклонства. По верному замечанию Т.В. Блаватской, полисской интеллигенции был совершенно не свойственен дух сервилизма, заметный в творчестве придворных творцов эллинистических царей⁴⁴. Полибий безусловно был человеком интеллигентным, он сумел поставить себя так, что его уважали римские «собратья по классу». Но совсем не за классовую принадлежность, а за мудрость и высокие человеческие качества. Превращать своих врагов в настоящих друзей – это дар, доступный лишь мудрецу.

Полибий прекрасно видел недостатки как самих римлян, так и их внешней политики, и открыто осуждал их за это. По словам Цицерона (*De Rep.* IV. 33), историк упрекал римлян в недостаточном внимании к обучению подрастающего поколения. Он осуждал римлян за вывоз культурных ценностей из Греции (*Polyb.* IX. 10. 2–3), критиковал сенат, возвышающий в Греции льстецов (*XXIV.* 12. 3–5). Эта критика как-то не вяжется с образом «римского угодника». Полибий демонстративно отошел от политики и не вредил Риму, хотя, прекрасно зная планы и настроения сената, мог бы это делать. Но для него как порядочного человека это было неприемлемо, он не мог использовать полученную информацию во вред своим информаторам. Вместе с тем можно отметить как минимум четыре конкретных случая, когда его действия и их конечный результат не соответствовали римским интересам и даже противоречили им.

1. Полибий помог Локрам Эпизефирским освободиться от обязанности поставлять Риму войска (ср. *Liv. Epit.* XLVI; *App. Syr.* 46–47; *Just.* XXXIV. 3), за что получил от города «знаки почета и человеколюбия» (*Polyb.* XII. 5. 1–3). Обычно около половины армии римлян составляли контингенты союзных войск, поэтому недопоставки вспомогательных войск римляне воспринимали очень болезненно.

2. Неоднократные просьбы Ахейского союза вернуть на родину депортированных ахейцев ни к чему не привели. Если бы не вмешательство Полибия, они так и умерли бы на чужбине. Историк подключил к этому делу своего покровителя, и в 150 г. до н.э. Сципион «ради Полибия» (*Polyb.* XXXV. 6. 1) попросил Катона отпустить заложников. Вопрос был решен положительно только благодаря поддержке Катона. Но Полибий на этом не остановился и хотел, чтобы ахейцам вернули их «знаки отличия, которые они имели раньше», не побоявшись обратиться с такой просьбой к Катону. Ответ, содержащий скрытую угрозу (не надо уподобляться Одиссею, вер-

⁴⁰ Финлей Г. Греция под римским владычеством. М., 1877. С. 12.

⁴¹ Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 387.

⁴² Там же. С. 46.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Блаватская. Ук. соч. С. 20.

нувшемся в пещеру Циклопа за забытыми поясом и шапкой – XXXV. б. 3–4), заставил историка отступить, но нам не в чем его упрекнуть, он сделал все возможное для своих соотечественников.

Риму было бы выгоднее удерживать заложников и дальше, возможно, тогда не началась бы Ахейская война. Как отмечал Т. Франк, заложники «только усилили антиримскую партию в Ахайе»⁴⁵. У. Харрис полагал, что сенат не опасался возможных беспорядков в Ахайе⁴⁶, но в любом случае римлянам было бы спокойнее, оставшись заложники в Италии.

3. Полибий организовал побег из Рима наследника селевкидского трона Деметрия, которого сенат с 175 г. до н.э. держал в столице в качестве заложника (Polyb. XXXI. 12; App. Sgr. 45). После смерти его отца Селевка IV трон захватил дядя Деметрия Антиох Эпифан. В 164 г. до н.э. Деметрий просил сенат отпустить его на родину, чтобы осуществить свое законное право на власть и занять престол предков вместо умершего Эпифана. Сенат, однако, предпочел видеть царем малолетнего Антиоха Евпатора, поскольку главной целью римского правительства было всемерное ослабление Селевкидского царства⁴⁷. Поэтому все последующие просьбы царевича не имели успеха. Полный сил двадцатичетырехлетний Деметрий незаконно и несправедливо, «без всяких оснований» (Polyb. XXXI. 19. 7) был лишен прав царствования в угоду римской политике.

Полибий не имел личных интересов ни в делах Селевкидского царства, ни в судьбе Деметрия. Тем не менее, он посоветовал царевичу бежать из Рима на родину. Столкнувшись со столь жесткой позицией сената, тот внял совету историка (Polyb. XXXI. 20). Более того, именно Полибий организовал успешный побег Деметрия, а самому себе обеспечил алиби, сказавшись больным. Мы не согласны с мнением А.Я. Тыжова о том, что невозможно понять, была ли болезнь истинной или мнимой⁴⁸, – историк отличался завидным здоровьем, легко переносил тяготы дальних путешествий и умер в старости от несчастного случая (упал с лошади).

Есть мнение, что Полибий не стал бы действовать на свой страх и риск без санкции на то дома Сципионов⁴⁹, и за его спиной стояли какие-то политические силы. Однако мы и с этим мнением не согласны. В среде нобилитета могли быть разногласия по внешнеполитическому курсу, но пользу для Рима они понимали однозначно, и никакая политическая группа не захотела бы вместо слабого ребенка видеть селевкидским царем зрелого и энергичного Деметрия. Сенат действовал в общих интересах⁵⁰, и в политической сфере для нобилей правильным и справедливым было то, что соответствовало римским интересам⁵¹, поэтому даже «филэллин» Сципион не дал бы санкции на бегство потенциально опасного для Рима царя.

В пользу нашей точки зрения свидетельствует и то единодушие, с каким сенат затем пытался устранить уже воцарившегося Деметрия. Заняв трон в 162 г. до н.э., он всячески старался приобрести расположение сената, обещал «исполнить во всем волю римлян и этим достиг того, что его признали царем» (Polyb. XXXII. 4. 2). Однако сенаторы продолжали смотреть на него, как на врага. С их помощью состоялось со-

⁴⁵ Frank T. A History of Rome. N.Y., 1928. P. 163.

⁴⁶ Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome 327–70 B.C. Oxf., 1979. P. 242.

⁴⁷ См. Badian E. Foreign Clientelae (264–70 B.C.). Oxf., 1958. P. 107–108; Briscoe J. Eastern Policy and Senatorial Politics 168–146 B.C. // Historia. 1969. XVIII. 1. P. 52.

⁴⁸ Тыжов. Полибий в Риме. С. 98.

⁴⁹ Pais E. Histoire romaine. V. I. P., 1926. P. 579; Volkman H. Demetrios I Soter // Der Kleine Pauly. 1976. Bd I. Sp. 1465; Тыжов. Полибий в Риме. С. 98.

⁵⁰ Broughton T.R.S. Senate and Senators of the Roman Republic: The Prosopographical Approach // ANRW. 1972. Bd I. P. 250–265; Finley M.I. Politics in the Ancient World. Camb., 1984. P. 5, 141.

⁵¹ См. Adcock F.E. Roman Political Ideas and Practic. Ann Arbor, 1959; Clarke M.L. The Roman Mind. Studies in the History of Thought from Cicero to Marcus Aurelius. Camb., 1960; Crook J.A. Law and Life of Rome. L., 1967; Astin A.E. Politics and Polities in the Roman Republic. Belfast, 1968; Gelzer M. The Roman Nobility. N.Y., 1969; Earl D. The Moral and Political Tradition of Rome. N.Y., 1976; Маркин А.Н. Менталитет римской имперской аристократии. М., 1997.

глашение Египта и Пергама, в результате которого в 150 г. до н.э. Деметрий пал⁵². После его смерти череда непрерывных усобиц фактически уничтожила единство Селевкидской империи⁵³. И еще одно обстоятельство, на которое, похоже, никто не обратил внимания: Полибий заканчивал свой труд уже после смерти Деметрия, дело было прошлое, и *post factum* можно было не скрывать своего участия в побеге.

4. После окончания Ахейской войны сенат пригласил Полибия в качестве «политконсультанта» для послевоенного переустройства Эллады. Невозможно согласиться с тем, что, «защищая римские интересы»⁵⁴, Полибий в то же время старался выговорить максимально мягкие условия для побежденных греков. В советах и своей практической деятельности он руководствовался отнюдь не интересами Рима, а пользой для греков, и сумел существенно облегчить участь многих полисов⁵⁵. Только вернувшись на родину, он смог в полной мере поставить свой талант и политическое влияние на службу Элладе⁵⁶. В условиях всеобщего уныния и страха он выступал за смягчение жесткой оккупационной политики Рима. Сам Полибий наивысшей своей заслугой считал, что ему удалось примирить греков с «новым устройством и законами» (XXXIX. 16. 2, 6). Он даже пишет, что эллины «полюбили дарованное устройство» (XXXIX. 16. 3) – здесь он, конечно же, выдает желаемое за действительное, но это объясняется исключительно его желанием успокоить обе стороны. Примирение греков и римлян, по Полибию, – в добре и взаимном прощении с забвением взаимных обид.

Во всех перечисленных выше четырех случаях действия Полибия были продиктованы его гуманизмом. Это были не политические акции, а поступки, объясняющиеся присущим историку чувством справедливости. Современников и соплеменников обмануть трудно. Калликрата и Андронида, ставших римскими «агентами влияния» в Ахейском союзе, греки ненавидели и откровенно презирали. Ярость и ненависть к ним были столь велики, что «даже дети не стеснялись на улице обзывать их в лицо предателями» (Polyb. XXX. 23. 7). Римские ставленники, такие, как Хароп в Эпире⁵⁷ или Ликиск в Этолии, с помощью римлян уничтоживший 550 предводителей Этолийского союза (Liv. XLV. 28), вызывали всеобщее презрение⁵⁸. С таким же чувством к ним относились и римляне, использовавшие их в своих целях. Полибия же в Риме воспринимали совсем иначе, в противном случае ему был бы закрыт доступ «в лучшие дома» столической Республики. Нобили никогда не использовали его в своих политических интересах, да им и мысль такая просто не могла прийти в голову по той простой причине, что они с ним дружили и получали от него дельные советы друга. Их отношения были основаны не на политике, а на чувствах личной симпатии.

Полибий использовал свои связи в Риме не для личных выгод. Когда ему предложили взять себе из конфискованного имущества Диея все, что пожелает, он не только сам отказался, но и попросил своих друзей не покупать ничего из вещей, продаваемых квестором (XXXIX. 15. 1–2). Он сумел облегчить участь ахейцев, многим помог, возможно, даже спас. Он спас от уничтожения римлянами статуи Филопемена, добился возвращения в Ахайю уже вывезенных оттуда статуй Ахея, Арата, Филопемена (XXXIX. 14. 3–10). «Ахейский народ в благодарность за эту услугу соорудил мраморное изображение Полибия» (XXXIX. 14. 11). Это пишет он *сам о себе*, но вот что сообщает *бесприст-*

⁵² Нице Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1908. С. 167.

⁵³ Bellinger A.R. The End of the Seleucids. New Haven, 1949. P. 55–56.

⁵⁴ Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма) М., 1982. С. 74.

⁵⁵ Подробнее см. Тыжов. Политическая миссия Полибия в Элладе. С. 107–115.

⁵⁶ Там же. С. 107.

⁵⁷ См. Scullard H.H. Charops and Roman Policy in Epirus // JRS. 1945. XXXV. P. 58–64.

⁵⁸ Экстремизм таких одиозных личностей добавил к числу римских врагов людей, которые «желали держаться среднего курса» (Forte. Op. cit. P. 56). Любопытна оценка самого Полибия: после смерти Ликиска, «человека беспокойного и мятежного, в Этолии немедленно воцарился мир и согласие, хотя не стало всего одного человека» (XXXII. 19. 1). Точно так же было и в Беотии со смертью Мнасиппа, и в Акарнании, когда она «освободилась от Хремата» (XXXII. 20. 2).

растный Павсаний: упоминая статую историка в Мегалополе, он приводит надпись на ее основании, гласящую о том, что Полибий стал союзником римлян «и ему удалось успокоить их гнев на Элладу» (Paus. VIII. 30. 8). И далее: «Те эллинские города, которые входили в Ахейский союз, получили от римлян разрешение, чтобы Полибий устроил их государственное правление и написал для них законы» (VIII. 30. 9) – в этом можно видеть проявление доверия как с римской, так и с греческой стороны. Известно, что его статуи стояли в пяти городах Пелопоннеса (Paus. VIII. 9. 1; 30. 8; 37. 2; 44. 5; 48. 8). Даже за пределами Ахейского союза, в Олимпии, находилась статуя Полибия с посвящением от элейцев (Syll.³ 685). Само наличие такого посвящения в Олимпии говорит о всеэллином признании заслуг историка⁵⁹. Невозможно усомниться в искренности эллинов, воздавших таким образом дань уважения своему знаменитому земляку.

В труде Полибия есть любопытная фраза: за оказанные ахейцам услуги «они всеми способами выказывали ему благоволение, и в отдельных городах воздавали высшие почести как при жизни, так и после смерти (καὶ ζῶντα καὶ μεταλλάξαντα)» (XXXIX. 16. 4). Нет никаких оснований сомневаться, что это интерполяция, внесенная в текст кем-то из поздних переписчиков. Она хорошо показывает, каким на самом деле было отношение эллинов к Полибию и считали ли они его изменником. В результате его деятельности даже те ахейцы, которые ранее были склонны считать его изменником, неизбежно должны были отдать должное его заслугам. Для современников Полибий – прежде всего заступник Эллады⁶⁰. Следовательно, в памяти не только современников, но и последующих поколений эллинов Полибий остался порядочным человеком, историком и политиком, которым можно гордиться и который много сделал для своей родины.

Используя доверие и расположение к нему римлян, Полибий в качестве посредника между Римом и Грецией много сделал для смягчения их взаимоотношений. «Деятельность Полибия в щекотливой роли друга Рима и защитника интересов Эллады была успешной»⁶¹, он служил «национальным интересам» греков⁶². Полибий добивался от римлян более гуманного отношения к побежденным. В его руках находились нити спокойствия и умиротворения соотечественников и их постепенной адаптации к новым политическим условиям⁶³. Еще одно важное обстоятельство, на которое, похоже, до сих пор никто не обратил внимания: римляне не стали для Полибия чужими. Семнадцать лет тесно общаясь с ними, он узнал этот народ, понял и принял его. Как справедливо отмечает Б. Вальденфельс, «обычно делание недоступного доступным означает уменьшение “чужести”, которое в экстремальных условиях доходит до уничтожения “чужести”»⁶⁴.

Особая значимость политической деятельности Полибия заключается в том, что он одним из первых попытался проложить мост между греками и римлянами, сыграть роль связующего звена между ними. Вот почему его жизненная позиция и его дела заслуживают только уважения.

⁵⁹ Тыжов. Политическая миссия Полибия в Элладе. С. 112.

⁶⁰ Там же. С. 114.

⁶¹ Нерсесянц В.С. Политические учения древней Греции. М., 1979. С. 244.

⁶² См. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Харьков, 1903. С. 228; Walbank. A Historical Commentary on Polybius. V. I. P. 3.

⁶³ Тыжов. Политическая миссия Полибия в Элладе. С. 111.

⁶⁴ Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «чужом» // Логос. Философско-литературный журнал. 1994. № 6. С. 84.

POLYBIUS BETWEEN THE GREEKS AND THE ROMANS:
AN APPRAISAL OF THE HISTORIAN'S POLITICAL ATTITUDE

A. P. Belikov

The article aims to refute the opinions put forward by Russian and foreign scholars, accusing Polybius of collaboration with the Romans, who captured his homeland and even of being a secret agent of the Roman senate in the Balkan Peninsula. Analyzing the facts, the author proves that the Achaean historian defended Greek, not Roman, interests. The honours done to him by the Greeks for the «peace mission» after the Achaean War, as well as his sculptures, erected in several cities (including some cities beyond Achaia), make us conclude that his compatriots did not consider him a traitor. The article treats of other important problems as well: relations between the Greeks and the Romans, the views of the two peoples of each other, Polybius' motives and the role he played in preparing the flight of Seleucian prince Demetrius from Rome; Greek federalism and its prospects in the course of consolidation of Greece into one state. In the author's opinion, Polybius was the first representative of Greek culture to prepare the future Greco-Roman symbiosis based upon mutual forgiveness and non-retaliation. The Achaean historian worked for the future, for the reconciliation of the two peoples and their co-existence in one state. His merits as to this were great, and his attitude deserves respect.

© 2003 г.

В. А. Горнчаровский

РИМСКО-БОСПОРСКИЙ КОНФЛИКТ 40-Х ГОДОВ I В. Н.Э.

С конца I в. до н.э. Боспор прочно вошел в сферу влияния Римской империи, которая была заинтересована в сохранении его как вассального государства, способного контролировать военно-политическую обстановку в Северном Причерноморье и на границах ближайших к нему провинций. На протяжении последующих двух с половиной столетий единственная попытка изменить эту ситуацию и выйти из-под власти Рима была связана с правлением царя Митридата VIII, когда в 45–49 гг. большая часть подвластных ему и сопредельных земель оказалась охвачена войной с римлянами. Эти события, существенно повлиявшие на военно-политическую ситуацию в Причерноморье, неоднократно привлекали внимание исследователей¹, правда, без детального анализа ситуации². Это побуждает нас попытаться еще раз рассмотреть данную проблему в связи с теми сведениями, которые могут пролить дополнительный свет на взаимоотношения Боспора и Рима в 40-х годах I в. н.э.

В предшествующий период при царе Аспурге (10/11–37/38 гг. н.э.) эти отношения, судя по его титулатуре, строились на основе договора о дружбе с Римом (*amicitia*)³. При вступлении на престол нового царя такого рода договор требовал обновления и подтверждения полномочий очередного властителя. Аспург ушел из жизни в сложный момент смены власти в самом Риме, когда после смерти Тиберия она досталась

¹ См., например: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 326–328; *он же.* История античных государств Северного Причерноморья // АГСП. С. 129; *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 228; *Блаватский В.Д.* О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н.э. // *Античная археология и история.* М., 1985. С. 228; *Цветева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1980. С. 16; *Шукин М.Б.* На рубеже эр. СПб., 1994. С. 205–206; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 31–35.

² Наиболее полно они освещены только в одной монографии: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 243–259.

³ *Надаль Б.* Боспорская надпись IOSPE II. 33 // ВДИ. 1948. № 3. С. 212; *Braund D.* Rome and the Friendly King. L.–N.Y., 1984. P. 106; *Сапрыкин.* Боспорское царство... С. 161.